

— Никита, вставай! Пора волов запрягать. Сегодня едем на дальнюю полянку докашивать рожь. Разбуди Наталью и прихвати завтрак. Санько правит косы, а ты разлёживаешься. Подъём!

Никита, семнадцатилетний юноша с курчавой смолянистой копной волос, сквозь сон услышал голос отца, потянулся в постели, подтянул ноги, отвернулся к стенке и вновь тихо засопел.

Мама Юхимина Кондратьевна, копошившаяся у печи, услышав слова мужа, вздрогнула. Она знала крутой нрав своего Степана Лукича, который достался ему в наследство от его отца Луки по прозвищу “Ткач”.

Лука после смерти первой супруги в пятьдесят лет женился на местной красавице Марии, у которой была толстая, до колен, пшеничного цвета коса. Она родила ему двоих детей, но однажды, когда на одной из свадеб станцевала с чужим мужчиной, муж тут же достал из-за голенища острый нож и отрезал ей косу. Но не только этим прославился Лукич. Он на скаку запрыгивал на круп лошади, мог обернуться вокруг туловища скачущего в галопе скакуна, затеять драку на кулаках, ну, а во время сенокоса за ним никто не мог угнаться.

В Степана перешла отцовская удадь, а вот на женщин рука не поднималась. Он до самозабвения любил жену Юхиминку, как её ласково называл, и дочурку, красавицу Наталью. Вместе с тем супруга знала: распоряжений Степан не повторял никогда.

Мать подошла к своему любимцу, погладила его по чернявым кудряшкам, замиловалась красавцем сыном и сказала нараспев:

— Ни-ки-ту-ш-ка, сы-нок, под-ни-май-ся.

Подумала: совсем ещё мальчик, ручки тоненькие, а косу-литовку отец даёт ему, как и старшему двадцатидвухлетнему крепышу Александру, — “девяточку”. Вздохнула. Продолжила уже громче и твёрже:

— Там остался небольшой околочек, до вечера управитесь. Завтра воскресенье — отоспишься, отдохнёшь, наберёшься сил.

Юхимине было жалко сына, её Никитушку, который отличался прилежной учёбой в школе, красивым каллиграфическим почерком, острым умом, умением виртуозно управляться с ткацким станком, придумывая и осуществляя замысловатые узоры на самодельных коврах, освоил он и немецкую швейную машинку “Зингер”.

Никита шевельнулся, потом медленно поднялся, посмотрел на маму, которая уже более часа хлопотала у печи, подоила коров, коз, накормила и напоила животных. Спрыгнул с постели, хотел было поправить рядно, но услышал, как кто-то к дому подбегал. Послышался громкий злой голос:

— Хозяин! Эй, хозяин! Да уйми ты своих волкодавов! — Потом подъехавший густым баритоном обратился к отцу: — Тебе последнее предупреждение: или в коммуны, или на высылки. Жду решения до вечера. Иначе раскулачим. Где твой Никита? Чтобы к десяти часам был у меня.

Заржала пришпоренная верховая лошадь председателя коммуны, и представитель новой власти ускакал от хутора-усадьбы “ткачей”. В тот день семья на покос не выехала...

Никита, одетый в тёмные шерстяные, наглаженные мамой штаны и слепящую глаза белизной рубашку, расшитую сестрой Натальей, подпоясанный сыромятным, с тиснёными узорами ремнём, босиком, причёсанный, насколько позволяли кудри, робко постучал в дверь председателя коммуны.

— Кто там скребётся? Заходи!

Осторожно отворив дверь, подросток переступил порог.

— Это я пришёл, Никита, Ткач.

— Вижу. Проходи, садись. Да не менжуйся ты. Говорят, что ты самый образованный в округе?

— Я... Семь классов закончил с благодарностью.

— Ну вот. Как ты относишься к Советской власти?

— Я? Я поддерживаю. А что?

— Раз поддерживаешь, будешь у меня секретарём. Нам грамотный секретарь во как нужен! — председатель провёл рукой по горлу.

— Но я не знаю, что надо делать.

— Да, браток, и я толком не знаю. Будем вместе постигать, что и как. Учиться, то есть. В комнате рядом с моей есть стол, стул, бумага, чернила. Занимай. Обживайся. Правда, на это времени нет. Через десять минут выезжаем. Ты как, на крупной лошади без седла управишься? Да, задал вопрос... Аж самому смешно. Ты же ткач-лихач. Там ещё есть папка, кожаная, красивая, с гербом — экспроприировали у Рыхальских, она им, недорезанным буржуйам-полякам, уже не понадобится. Сложи в неё бумаги-то.

Только поздно вечером уставший Никита появился возле дома.

Степан Лукич кинулся было с плёткой к неразумному сыну, но тут же остановился.

— Откуда у тебя эта коммунарская кляча?

— Секретарём я теперь в коммуне, отец.

— Кем?

— Секретарём. Заместителем председателя.

— Ты почему не спросил разрешения у меня? Я сейчас задам тебе, сорванец! Отведи сейчас же эту клячу в коммуны, секретарь! В поле работать кто будет? Или будешь сидеть у меня и матери на шее?

— Отец, я уже работаю. Сегодня составлял списки на раскулачивание. Наша семья стоит в списке под номером три. Завтра приедут из волости солдаты и чекисты. Я попросил нас не трогать. Пообещал, что завтра мы переберёмся с хутора в коммуны.

— Я те да дам коммуны! Сожгу! Всё сожгу! Я своими мозолями это построил! Понимаешь?! Сво-и-ми и деда твоего! Не отдам!

Лукич громко выругался и, словно на плечи вдруг навалилась непомерная тяжесть, пошёл в направлении амбаров, где хранились аккуратно сложенные для просушки и обмолота кули ячменя и ржи.

Лошадь, любимая Каштанка, услышав громкий голос хозяина, тихо заржала. Однако хозяин её не услышал. Как быть? Как дальше жить?..

Через день, разобрав пять добротных деревянных изб и десяток амбаров, многочисленное семейство Ткачей перебралось в коммуны.

Никита с раннего утра и до поздней ночи носился с председателем, учитывая хозяйство коммуны, записывая важные распоряжения начальника.

Шла вторая зима его трудовой деятельности на благо построения “светлого будущего”. Скот — лошадей, волов, коров коммуны — расположили в наспех сооружённом сарае. Сена и соломы заготовили в достатке. Однако зима оказалась со свирепыми морозами и метелями. Безумствовали недоброльные Советской властью.

Однажды ночью бандиты зарезали сторожа-скотника, убрали солому из стойла, залили его водой и открыли настежь ворота. Доярки, пришедшие утром доить коров, увидели лежащих, примёрзших к земляному полу коров, коз, волов. Всей коммуной спасали скот, но ничего сделать не смогли. Животные умирали. Председатель решил: резать животину — будет хотя бы мясо.

Через два дня метель утихла, и председатель выехал в волость доложить о происшествии руководству. В село прибыли чекисты разобраться со случившимся горем. А спустя два дня председатель и молодой секретарь коммуны “за саботаж” были арестованы и отправлены в губернскую тюрьму.

Отбывая срок, Никита проявил умение пользоваться иглой и нитками. Чинил товарищам тюремные рубы, а когда о его умениях узнал начальник тюрьмы, Никите была выделена комната и швейная машинка. Он шил одежду начальнику и охранникам, а однажды — платье жене начальника. Если сначала срока дни тянулись долго, а ночи были короткими, то теперь наоборот: дни стали короткими, а ночи длинными.

Как-то в тюрьму постушили два автомобиля, легковой и грузовой, к ним был приставлен водитель. Никита упросил начальника стать помощником водителя, так освоил азы управления и ремонта авто. А вскоре сам управлял легковушкой, развозя начальника тюрьмы и его супругу по магазинам.

Грохот разрывов снарядов и бомб приближающейся войны доносился через открытые окна, а спустя несколько дней немецкая войска вошли в город. Эвакуировать заключённых не успели, охранники разбежались. Взрыв снаряда разрушил угол одного из помещений тюрьмы, и заключённые оказались на свободе. Среди них был и Никита.

Вначале было желание бежать домой, а там... Но победила мысль, что его место — в рядах защитников Отечества.

Никита с товарищем по заключению Владимиром Полищуком приблизились к отступающей части. После краткой беседы им выдали оружие и зачислили рядовыми бойцами. В одном из боёв Владимир был тяжело ранен и скончался на руках друга. Никита вытащил мёртвого товарища из-под огня и передал местным жителям, поклявшись, что после победы найдёт его могилку и установит на ней памятник.

Однажды во время отступления был обстрелян автомобиль, перевозивший боеприпасы. Погиб водитель. Выстроили подразделение. Командир спросил:

— Кто умеет водить автомобиль?

Никита посмотрел направо, налево — тишина. Несмело произнёс:

— Я до войны управлял автомобилем, но документа нет.

— Выходи, солдат. Иди, принимай машину. А с документом после войны разберёмся.

С того времени Никита не расставался с “баранкой”. Менялись автомобили, он всё возил и возил грузы фронтовыми дорогами. Потом было тяжёлое ранение, госпиталь под Ленинградом. Вылечившись, он вернулся в строй, возил грузы по “Дороге жизни” — ледовой переправе через Ладожское озеро —

в блокадный город. Мороз, взрывы, польные. Страшно было не за себя, а за товарищей, которые с машинами уходили под лёд. Больно было видеть разорванные, замёрзшие тела на льду, смотреть на истощённых голодом детей, женщин, стариков.

Сколько совершил рейсов через Ладогу — не помнит. Дважды был легко ранен. Один из его автомобилей ушёл под лёд, в образовавшуюся после взрыва полынью. Обморозил руки и ноги.

После прорыва блокады Никиту как опытного водителя присмотрел командир батальона. Получив новенький американский “Виллис”, так и доехал на нём дорогами войны до победы Никита Степанович — вначале рядовой, а потом сержант. Медали “За отвагу”, “Боевые заслуги” и другие украшали грудь фронтовика.

После войны сержант возвратился в родную деревню. Работал водителем, затем его назначили секретарём сельсовета. Трудился он честно и добросовестно. Копы документов, исписанные его аккуратным каллиграфическим почерком, пылятся и ныне в архивах.

Пройдёт время, и Никита съездит на место боя, где погиб его товарищ — Владимир Полищук, разыщет родственников и вместе они установят на могилке памятник.

Выйдя на пенсию, Никита Степанович засел за любимую работу — портного. Много сельчан щеголяли в костюмах, сшитых умелыми руками фронтовика. С состоятельных граждан он брал деньги, а для бедных шил бесплатно, особенно платица и костюмы для выпускников.

Построил добротный дом, вырастил сад, воспитал троих прекрасных детей. Его любили и уважали все сельчане. Стяпаньчу, как называли его, было о чём поговорить со стариками и сверстниками, особенно он любил детей, и те его — взаимно.

Однако старые раны и болезни подкосили здоровье фронтовика. Свой семьдесят второй день рождения он встретил на больничной койке. За несколько дней до этого ему было очень плохо. Врачи боролись за его жизнь, а Никита Степанович шутил:

— Что вы суетитесь? Нынче костлявая приходила и приглашала в дальний путь. Усмехнулся я ей в ответ. Говорю ей: “Рано ты пришла, голубка”. Она в ответ: “Вижу: ты добрый человек. Ладно, живи”. Затем прижала косяк к себе и затарахтела костыми прочь. Так что ещё поживём!..

В день Победы в больницу заехал проводить любимого дядю племянник Пётр, сын сестры Марии. При его появлении Стяпаньч повеселел.

— Петя, я так хочу испить водицы из моего колодца. Помню, на Ладоге, после очередного рейса в Ленинград, мы стояли под загрузкой. Выдалась свободная минута, и я решил написать родным письмо. Присел, опершись о колесо автомобиля спиной, огрызком карандаша стал писать. Вспомнил родной хутор, маму, отца, брата, сестёр, наш двор — и так захотелось испить домашней чистой колодезной холодной водички. Взгрустнул было, а тут команда: “По машинам!” И вскоре мы снова вели машины по льду...

Никита Степанович передохнул и тихо повторил:

— Петя, привези мне воды из моего колодца, хочу хоть глоток испить студёной, родной.

— Хорошо, дядя.

Племянник съездил и привёз пол-литровую бутылку холодной водицы из колодца, когда-то вырытого Никитой Степановичем.

— Дядя Никита, вот водичка... Сам доставал. Ворот скрипел, так я солидолом смазал. Вот она, холодненькая.

— Спасибо, Петя! Налей мне в стакан и поставь на тумбочку.

Племянник выполнил просьбу и, прощаясь, сказал:

— До свидания, дядя! Выздоровляйте.

Когда Пётр ушёл, Никита Степанович отпил несколько глотков, стакан поставил на тумбочку, повернулся лицом к стене и притих.

Вскоре в палату зашла молодая, рыжеволосая, с искрящимися глазами из-под длинных пушистых ресниц, в коротеньком белоснежном халате медсестра. Улыбнувшись, ангельским голоском пропела:

— Дед Ни-ки-та, по-во-ра-чи-ва-ем-ся, ручку подаём. Ваша “чаровница” со шприцом пришла.

В ответ молчание. Раньше, когда приходила “рыжая чаровница”, он говорил ей комплименты, отпускал шутки, а теперь...

— Никита Степанович, чо молчим?! Или напраздновались с племянничком?!

А когда медсестра приблизилась к лежащему, то вскрикнула:

— Он... он... Простите меня, Никита Степанович!

Повернувшись к больным, медсестра сквозь всхлипывания закричала:

— Боже! Дедушка! Да как же так? — и заплакала навзрыд.

А в это время фронтовик уже преодолел дорогу в другой мир.

*Поздравляем Николая Александровича с юбилеем!
Желаем доброго здоровья и новых вдохновенных книг.*